

В конечном счёте, он во всём уступал другим, и именно это больше всего выводило из себя. В популярных сетевых романах попаданцы исправляют ошибки прошлого, творят чудеса и меняют ход истории, а он — лишь жалкая пародия, чьё присутствие только портит общую картину, словно туча, заслонившая луну. Тот самый золотой сынок, которого он презирал, гнушался и в итоге заменил, при всей своей холодности и эгоизме, по крайней мере вёл себя как взрослый и рассудительный человек. Сам же он сейчас выглядел нелепым, капризным переростком.

Никогда ещё в своей жизни он не получал такой звонкой пощёчины, как сегодня.

Он опустил взгляд на Лушэна. Тот, приняв лекарство, уже крепко спал, прижавшись лицом к его груди, а рука всё ещё цеплялась за его предплечье.

Тот, кто относится к тебе искренне, неизбежно страдает от твоего невежества.

Цзинь Шиань осторожно убрал руку Лушэна и бережно уложил его на подушку. Медленно, стараясь не шуметь, он вышел из комнаты.

Ночь была тихой, безветренной. В комнатке прислуги Цзяохун и Цуйэр ещё не спали; услышав, что молодой господин поднялся, они накинули халаты и вышли.

Он обернулся к служанкам:

— Позовите Чжоу Юя. Скажите, что я жду его в кабинете.

Он поднял голову к ночному небу. Россыпь ярких звёзд — это было небо восьмидесятилетней давности, тот же Млечный Путь, что и в его времени. Он сиял над миром, в котором ему теперь предстояло жить, — чистый, ясный, словно сама искренность.

Он и сам не понимал, почему вдруг решил пойти на принцип с этим золотым сыночком — а по сути, с самим собой. Человек не в силах изменить эпоху, он может лишь принять её. Пусть он лишь лягушка, возомнившая себя принцем, или простая курица, пытающаяся сойти за феникса, но как бы ни был нелеп и унизителен этот сценарий, Цзинь Шиань больше не хотел бежать.

Если сегодня он оказался слабее, это не значит, что так будет всю жизнь.

Он не допустит, чтобы подобное повторилось.

На следующий день пришёл Цинь Е. Он явился один, осмотрел рану на лбу Цзинь Шианя, затем взглянул на едва живого Лушэна, лежавшего на кушетке.

Цзинь Чжунмин, стоявший рядом с суровым лицом, произнёс:

— Это моя вина, плохо воспитал. Теперь он совсем с катушек слетел, разве достоин он Сюаньхуэй? Два торговых дома у Барабанной башни — вот документы, считайте это подарком к приданому.

Лицо Цинь Е посинело. Он посмотрел на Цзинь Чжунмина и, не проронив ни слова, ушёл.

Вскоре до них дошли слухи, что Цинь Сюаньхуэй тяжело заболела, и её отправили лечиться в Шанхай.

Дядя Чжоу и тётушка Лю шептались между собой: какая там болезнь? Девушка Цинь долго спорила с отцом, даже побои терпела, и в Шанхай её вовсе не возили — поговаривали, что её заперли в родовом поместье.

У Цзинь Шианя не было времени жалеть эту невинную девушку. Это было старое общество, где у людей не было права на свободу. Над ними довели тяжёлые оковы феодальных пережитков. Впервые он до глубины души прочувствовал, насколько людоедским и страшным было то время: если ты не слушаешься, тебя просто запирают на замок.

А до Нового Китая оставалось ещё больше десяти лет. Как же это мучительно.

Цзинь Чжунмин, уязвлённый в своей гордости, а возможно, и искренне опечаленный, долго не появлялся на улице Жунчжуан. Для обитателей особняка Бай это было только к лучшему: пока старик не показывается, в доме царит мир и покой.

Раны Лушэна затянулись лишь к осени. Тётушка Лю, увидев, как он легко делает мостик во дворе, сложила руки в молитве:

— Амиабха, слава богу, что без увечий обошлось. Мой маленький господин, ну перестаньте вы уже упражняться!

Лушэн, откинувшись назад, рассмеялся:

— Да что это за упражнения? Вы же видели, как матушка Чжан меня в детстве колотила, разве было не больше? И ничего, всё равно на сцену выходил.

Цзинь Шиань, жевавший яблоко, покосился на него:

— Завязывай. Ещё пара таких побоев — и отправился бы к Марксу. Приятно было с голой задницей лечиться?

Тётушка Лю поддержала:

— И то верно. Маленькому господину надо беречь себя, слушайтесь старшего господина.

Лушэн поднял ногу, закинув её на цветочную подставку:

— Мастерство за плечами не носить, десятилетия труда разве можно так просто взять и выбросить? Ай! Тётушка Лю, не тяните меня, я же тренируюсь!

Цзинь Шиань подлил масла в огонь:

— Тётушка Лю, снимите с него штаны, я посмотрю, остались ли шрамы на этой заднице.

Тётушка Лю действительно потянулась к одежде Лушэна, тот в испуге отпрянул:

— Стыда у вас нет! Разве можно при людях раздеваться!

Тётушка Лю и Шиань рассмеялись. Цзинь Шиань выплюнул огрызок:

— Ну и упражняйся дальше, с такой гибкостью в постели точно проблем не будет.

Лушэн вспыхнул и запустил в него засахаренными семенами лотоса с тарелки:

— Вечно ты всякие пошлости несёшь! Я уже поправился, сегодня ночью не смей ко мне приставать!

Цзинь Шиань прикрылся газетой, как щитом:

— Кто пристаёт? Я, мать твою, газету читаю! Ой! Прямо в ноздрю попала!

Сначала, когда Лушэн был тяжело ранен и всё лето страдал от воспалений, Цзинь Шиань нарочно шёл наперекор деду. Ты говоришь, что содержать актёра — позор? А я буду по всему городу лучших лекарей искать! Цзинь Чжунмина это так разозлило, что он уехал в храм Цзимин и несколько дней постился.

Цзинь Шиань понимал, что это лишь показуха.

Иногда он искренне восхищался мастерством старика: если Шиань не станет искать врачей, Лушэн будет страдать — дед доволен; если Шиань будет искать врачей открыто — это лишь подтвердит слухи о том, что молодой господин Цзинь — дурак, потерявший голову из-за смазливой личика; если же Шиань будет действовать скрытно — слухи раздуются ещё сильнее, как было с историей о покушении. Сплетни — такая вещь: чем больше их скрываешь, тем интереснее они окружающим. Ничего и говорить не надо, люди сами додумают сотню серий семейных интриг.

Как ни крути, старик Цзинь оставался в выигрыше. Ему нужно было лишь делать вид, что он в ярости, и всё шло как по маслу.

Хоть Цзинь Чжунмин и не застал эпоху трендов, он был прирождённым манипулятором

общественным мнением, который и в двадцать первом веке не пропал бы.

Весь город потешался над тем, как молодой господин Цзинь ослеп от любви к актёру: вместо того чтобы жениться на дочери семьи Цинь, он с помпой ищет врачей для любовника. Неудивительно, что старик Цзинь не выходит из дома — внук его до инфаркта доведёт.

Все решили, что семье Цзинь конец. Возможно, именно поэтому власти временно оставили Цзинь Чжунмина в покое, и в переулке Жунчжуан не появлялось никаких проверяющих. Чжоу Юй несколько раз ходил к особняку Цзинь и радостно докладывал: Ци Соньйи по-прежнему занимается делами, старина Чэнь говорит, что всё спокойно.

Цзинь Чжунмин тоже вёл себя тихо, заперся дома, ссылаясь на болезнь, и никого не принимал.

Цинь Е больше ничего не говорил. Он прибрал к рукам два торговых дома у Барабанной башни и быстро возобновил торговлю. Чжоу Юй, вернувшись, возмущался:

— Бесстыдник этот Цинь! Мало того, что присвоил иностранные лавки, так ещё и открылся так поспешно, будто собственную дочь на рынок выставил.

Цзинь Шиань лишь усмехнулся: разве он мало видел таких предателей в своей прошлой жизни? Цинь Сюаньхуэй жаль, угораздило же её родиться у такого бессердечного отца.

Чужие беды он исправить не мог. У него самого проблем хватало.

Финансовая экосистема каждой эпохи уникальна, а Китай времён Китайской Республики находился на стадии раннего капитализма. Его ждал период бурного, но хаотичного роста, а затем — заморозка после освобождения. По сути, развитие китайского капитала было прерывистым. Золотой век финансов, который знал Шиань, начался лишь с реформ семидесятых годов, но правила игры на международном рынке оставались неизменными. Капитал всегда эволюционирует от варварства к порядку, а текущий китайский рынок находился в стадии первоначального накопления: минимум правовых норм и максимум негласных правил, о которых Шиань имел смутное представление.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят. В восьмидесятые занимались челночным бизнесом, в девяностые — недвижимостью, в двухтысячные — акциями, в десятые — пари. Учиться бизнесу — процесс постепенный: сначала внешние связи, потом ядро. Хотя Лушэн не занимался коммерцией, он десять лет провёл рядом с молодым господином Цзинем, так что основы знал.

Сейчас он был лучшим учителем.

Лушэн всё ещё сомневался:

— Как я могу учить? А если ошибусь и только наврежу тебе?

Цзинь Шиань улыбнулся и сел рядом:

— В том-то и дело, что мне нужно, чтобы ты меня «научил». Технические детали я узнаю у деда, а ты расскажи всё, что знаешь.

То, что знал даже Лушэн, было общеизвестным фактом, своего рода «здравым смыслом».

Нельзя же идти к Цзинь Чжунмину, не зная элементарных вещей. Если потерять доверие старика, можно было забыть не только об управлении домом, но и о доступе к делам!

В прошлой жизни Цзинь Шиань справлялся с капризной начальницей, потому что понимал правила игры. Не страшно быть менее способным, главное — знать, как всё устроено.

Ученик Цзинь доверился учителю Баю, и тот его не подвёл. По ночам Лушэн ломал голову, составляя десятки таблиц с описанием состояния промышленности и торговли, а днём объяснял всё Шианю. Они проводили время под сенью гибискуса и роз, прилежно учась, а в свободное время выбирали дополнительные предметы: Бай Лушэн — художественную гимнастику, Цзинь Шиань — новейшую историю.

Шиань жалел, что нет Google или Baidu, поэтому просил Чжоу Юя приносить все газеты подряд.

Текст на традиционном китайском, ещё и с вертикальной вёрсткой — читать было мучительно, но он заставлял себя. К счастью, Лушэн был грамотным и помогал ему. Открыв газету, Шиань первым делом спрашивал:

— Посмотри, где-нибудь воюют?

Лушэн улыбался:

— Все люди мечтают о мире, разве в прошлом году после стычек Чан Кайши с другими генералами не было достаточно хаоса? Наконец-то наступило затишье, откуда взяться новым войнам? Даже если они начнутся, солдатам нужно время, чтобы набраться сил.

— Гражданская война — это одно, — хмурился Шиань, — ты не понимаешь, я боюсь, что нападут извне.

Лушэн развернул газету:

— Господин мой, вы опять печётесь о судьбах мира? Сначала посмотрите, все ли иероглифы вы ещё узнаете!

Шиань понял, что тот посмеивается над ним, но не обиделся. Он с детства не отличался особой тягой к учёбе, а его диплом был лишь формальностью. Шиань усмехнулся:

— Подумаешь! Да полно генералов, которые вообще в школах не учились! На войне разве спрашивают, какой университет ты окончил?

Лушэн кивнул:

— В этом есть смысл. Я лишь надеюсь, что когда-нибудь вы действительно проявите себя на поле боя и прославите наш род Цзинь. А я буду как Лян Хунъюй — бить в барабаны, поддерживая вас!

Лян Хунъюй была возлюбленной великого полководца Хань Шичжуна, героиней, защищавшей страну. В театральных постановках часто обыгрывали этот сюжет. Лушэн сказал это не подумав, а закончив, почувствовал, как горят уши — они с Цзинь Шианем, какая из них пара?

Он так привык к театральным ролям, что постоянно сравнивал себя с Ду Линянь, а теперь вот с Лян Хунъюй. В конце концов, он ведь мужчина, почему он не может служить стране и совершать подвиги?

При этой мысли его охватил энтузиазм, и он хлопнул в ладоши:

— Брат, если война действительно начнётся, обязательно возьми меня с собой! Я тоже хочу в армию!

Цзинь Шиань опешил:

— Товарищ, у вас ход мыслей слишком уж стремительный. Брось, не болтай ерунды, читай дальше!

Лушэн упрямылся:

— Ты презираешь меня, потому что я актёр, и не хочешь брать с собой, верно?

Ну вот, опять началось. Когда он хотел потешить своё самолюбие, его было не остановить.

Цзинь Шиань схватился за голову:

— Хватит фантазировать! Если начнётся война, мы будем бежать, а не оставаться в Нанкине ждать смерти!

Он не был героем и не рассчитывал, что сможет спасти триста тысяч человек. Он трезво оценивал свои силы: если он даже с дедом справиться не может, что он сделает против армии?

Для роста нужно время, но прежде чем эволюционировать, нужно выстроить стратегию выживания.

У него не было амбиций спасти отечество. Логика Цзинь Шианя всегда была проста: в доме такой бардак, что удачей будет просто сохранить деньги. Главное — следить за ситуацией в стране, и если станет опасно — немедленно делать ноги.

Лушэн, выслушав его, на мгновение замолчал и отвернулся:

— Если действительно будет так, как ты говоришь, и Нанкин окажется в беде, я не уеду. Все пекутся о своей шкуре, кто же тогда будет защищать страну?

Шиань не ожидал от своего «Дайюя» такой идейной сознательности. Он остолбенел, а потом прыснул со смеху и обнял Лушэна за плечи:

— Я убегу, а ты останешься? Разве ты не будешь по мне скучать?

Лушэн сбросил его руку:

— Не верю, что ты такой бессердечный. Если ты убежишь, я не только не буду скучать, я ещё и проклинать тебя стану!

Они ещё немного поспорили, Лушэн начал обмахивать его веером и снова принялся читать газету — они оба забыли о тех «двух годах». А ведь и правда, как говорится в стихах, в смутные времена главное — сохранить жизнь. Им этого было достаточно. Ничего больше, просто жить спокойно, день за днём.

В хаосе человеческие жизни и желания значат не больше, чем жизнь насекомого.

Это лето выдалось беспокойным. Для жителей бассейна Янцзы 1931 год стал годом бедствий — наводнения оставили многих без крова. Но для нанкинской знати город просто стал немного дождливее, чем обычно.

Цинь Е, позиционируя себя как лидера сучжоуских купцов, возглавил сбор средств для пострадавших. Цзинь Чжунмин лишь отправил пожертвования, а Цзинь Шиань, поколебавшись, решил не светиться.

Лушэн одобрил:

— Правильно, что не пошёл. Цинь Е только и ждёт случая, чтобы упрочить своё положение. Ты не умеешь вести интриги, лучше не попадаться ему на глаза.

Это был логический вывод Лушэна, а Шиань знал всё наверняка: по слухам, Цинь Е всюду пытался подлизаться к семье Кун.

Чёрт возьми, историю средней школы Шиань помнил: четыре великие семьи — Чан, Сун, Кун, Чэнь — с ними лучше не связываться. Цинь Е был проницателен, инвестируя в акцию, которая скоро взлетит.

Но сидеть дома — не выход. Враги наступают, а он отступает. Ранее Шиань обсуждал с Чжоу Юем старых соратников семьи Цзинь. Теперь он на себе прочувствовал, что значит «когда дерево падает, обезьяны разбегаются». Раньше они не знали, что он живёт на улице Жунчжуан, но теперь, когда весь город знал, что молодой господин Цзинь болеет, Чжу Цзысюй и Цянь Юнь даже не соизволили показаться.

У другой стороны не было желания договариваться, а у него — ресурсов. Лучше не делать лишних движений. Шиань спросил:

— А кто сейчас управляет нашими делами?

Лушэн и Чжоу Юй переглянулись:

— Естественно, старый господин. Ему помогает управляющий Ци. Мы не имеем права знать о счетах семьи Цзинь. Если хочешь узнать, иди к деду.

Когда они остались одни, Лушэн снова посоветовал:

— Не злись на него. Он ведь желает тебе добра. Зачем из-за меня ссориться с родными? Сейчас он болеет, сходи навести его, он научит тебя, как вести дела.

Цзинь Шиань отбросил газету и потянулся:

— Почему мне кажется, что ты сейчас говоришь как...

— Как кто?

— Как жена. Причём из тех, у кого вечные проблемы со свекровью!

Сказав это, он приготовился к взрыву негодования, но Лушэн вдруг замолчал, опустил голову, покраснел и замер с дыней на серебряной вилке в руке.

Спустя долгое время он сунул дыню в рот Шианю и пробормотал:

— Вечно ты чепуху мелешь.

Шиань был ошарашен. С чего вдруг такая нежность? Он не удержался и схватил Лушэна за руку:

— Что ты сказал?

Лушэн оттолкнул его и выбежал из комнаты.

Цзинь Шиань сидел, облизывая губы, и смеялся. Это была уже не просто игра на грани, это

был спринт в самое сердце гомосексуализма. Должно быть, он слишком долго был один, раз даже кошка кажется ему красавицей, не говоря уже о Бай Лушэне.

Всё же стоит сходить к Цзинь Чжунмину. А то так и до греха недалеко.

Цзинь Чжунмин действительно заболел. Цзинь Шиань несколько раз навещал его, и старик постоянно принимал лекарства. Хотя Шиань ненавидел его феодальные замашки, видя болезненный вид деда, он чувствовал укол совести.

Шиань подозревал, что дед до сих пор колеблется, не понимая, у кого больше перспектив — у Чжан Цзинцзяна или Чан Кайши. Один был ветераном революции, другой — ставленником первого.

Цзинь Чжунмин прятал оружие, возможно, лишь ради сохранения репутации, а возможно, и из-за более опасных соображений — пытаясь помочь Чжан Цзинцзяну взять реванш.

С точки зрения Шианя из будущего, оба варианта были катастрофой.

В бизнесе нужно уметь быть флюгером, но не лезть в политику.

Цзинь Шиань массировал деду плечи и, заведя разговор о делах, осторожно спросил:

— Дедушка, а где ты прячешь оружие? Может, пожертвовать его Чан Кайши? Чтобы он не смотрел на тебя косо.

Цзинь Чжунмин нахмурился:

— Что за «Чан Кайши»? Опять нарываешься?

Шиань поправился:

— Хорошо-хорошо, господин Чан. Деда, оружие — это чёрный капитал, нельзя же заниматься незаконными делами. Что ты планируешь делать?

Цзинь Чжунмин промолчал, взял внука за руку и попросил помочь встать. Они медленно прогулялись по саду и остановились под большой павловнией.

— Ань-эр, ты всё-таки ещё молод, — вздохнул старик, — ты не понимаешь всей сложности. Пожертвовать оружие? Легко сказать, ты знаешь, сколько его на складах?

Шиань молчал, ожидая продолжения.

— После междоусобиц прошлого года подозрительность господина Чана стала ещё сильнее. Если я пожертвую, я не могу оставить себе ничего. Но ты слышал поговорку про то, как после охоты на зайцев убивают гончих?

Увидев, что внук молчит, он продолжил:

— Сколько помощи оказал ему господин Чжан, и что в итоге? Как я могу последовать его примеру и подставить голову под топор?

Хотя Шиань не был силён в идиомах, общий смысл он уловил. Жертвовать — плохо, не жертвовать — тоже. Что делать?

Цзинь Чжунмин добавил:

— Кому жертвовать? Если господину Чану — это и жест доброй воли, и демонстрация силы. Оружие произведено тайно, это копия моделей Ханьянского завода. Если власти узнают, что я могу такое производить, они могут использовать меня как пример для устрашения. Это была моя ошибка, жадность погубила.

Дед и внук замолчали. Тени от деревьев падали на них, словно тучи над политическим небосклоном.

— Дедушка, — внезапно сказал Шиань, — если придут японцы, разве будет господину Чану до тебя?

Цзинь Чжунмин хотел было ответить, что он никто, чтобы его беспокоить, но, вслушавшись в слова внука, остолбенел:

— Откуда ты слышал, что японцы собираются перейти границу?

Шиань не решился сказать про Нанкинскую резню, поэтому осторожно ответил:

— Газеты пишут... В любом случае, война неизбежна.

Цзинь Чжунмин решил, что внук где-то услышал слухи. Он и сам слышал, что японцы ведут себя нагло. После взрыва в Хуангутуне все знали, что на Северо-Востоке рано или поздно случится беда. Цзинь Чжунмин вздохнул:

— Это далеко от Нанкина. Северо-Восток — владения молодого маршала Чжана, у него кровная месть к японцам, он не допустит их вторжения.